

Д. В. Диденко

ВЕКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15

УДК 94(470):338.001.36

ББК 63.3(2)6+65.03(2)6

В статье систематизируются и оцениваются созданные за последние 25 лет длинные ряды данных о неравенстве доходов в России/СССР. Обсуждаются источниковедческие и методологические проблемы, которые возникают в процессе конструирования таких рядов и их интерпретации. Оценки тенденций динамики неравенства доходов, содержащиеся в рассматриваемых работах, сопоставляются с результатами исследований в литературе по теме. В частности, подвергаются критике завышенные оценки индикаторов неравенства доходов и богатства в дореволюционной и постсоветской России в исследовании Т. Пикетти и его учеников Ф. Новокмета и Г. Зюкмана. Ставятся под сомнение их заниженные оценки неравенства доходов в советский период. Одновременно подтверждается их оценка сопоставимости уровней неравенства в начале XX в. и в начале XXI в., которые соответствуют институциональной среде рыночной экономики на стадии ранней индустриальной модернизации. Обосновываются дополнения последними значениями длинных рядов данных и пересмотр отдельных оценок, сделанных в работах Д. В. Диденко и соавторов. В одном случае речь идет о расчетах дифференциала заработной платы «работники интеллектуального труда / рабочие в промышленности» в пересчете на 1 год образования в организованных формах. Этот показатель рассматривается как прокси-индикатор неравенства доходов, основанный на теории человеческого капитала и имеющий сравнительно надежные статистические свидетельства за период с 1913 по 2019 гг. В другом случае предлагается ряд неравенства по заработным платам за период 1968–2019 гг. со смыканием скорректированных оценок из исследовательской литературы по позднему СССР и данных Росстата. Первые корректируются в сторону повышения, учитывая эффекты немонетарных привилегий элиты. Намечается ряд перспективных направлений в создании длинных рядов данных по теме.

Ключевые слова: длинные ряды исторических данных, экономическая история России, человеческий капитал, институты, индекс Джини, дифференциал оплаты труда

Вопрос экономического неравенства в нашей стране всегда вызывал общественный и научный интерес. Об этом свидетельствуют, в частности, издание необычно высокими для научного труда тиражами и перевод на несколько десятков языков (в том числе русский) книги «Капитал в XXI веке»,¹ публикация работы известного французского экономиста Т. Пикетти и его учеников Ф. Новокмета и Г. Зюкма-

на² (далее — команда Пикетти) о вековом тренде неравенства доходов в России, а также их широкое междисциплинарное обсуждение.

В этой статье мы систематизируем информацию о длинных рядах данных, характеризующих динамику неравенства доходов в России/СССР, и дополняем последними значениями ряды, сконструированные в работах Д. В. Диденко и соавторов.³ В одном случае речь идет о расчетах дифференциала заработной платы «работники интеллектуального

¹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

Диденко Дмитрий Валерьевич — д.э.н., к.и.н., в.н.с., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-908)

Автор выражает благодарность Л. И. Бородкину и другим участникам семинара в Центре экономической истории Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова за полезные идеи при обсуждении материалов к статье, а также анонимным рецензентам за конструктивные предложения

² Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016 // Journal of Economic Inequality. 2018. Vol. 16, iss. 2. P. 189–223. Т. Пикетти, в свою очередь, является учеником известного исследователя проблем экономического неравенства Э. Аткинсона, уделявшего внимание и отечественной проблематике (Atkinson A. B., Micklewright J. Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income. Cambridge, 1992).

³ Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4, iss. 2. P. 127, 131. Supplementary Data. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122> (дата обращения: 15.09.2021); Диденко Д. В. Интеллектуальноемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015. С. 174–176.

труда / рабочие в промышленности» в пересчете на 1 год образования, полученного в организованных формах. Он рассматривается как прокси-индикатор неравенства доходов, имеющих сравнительно надежные статистические свидетельства за период продолжительностью более века и основанный на теории человеческого капитала. Эта теория объясняет дифференциацию трудовых доходов различиями в производительности работников, которые вытекают из различий в их квалификациях и навыках, полученных в результате образования и опыта работы.⁴ В другом случае предлагается ряд неравенства по заработным платам со смыканием данных Росстата и оценок из исследовательской литературы в отношении периода позднего СССР с корректировкой этих оценок в сторону повышения. Таблицы с соответствующими значениями показателей неравенства и их источниками приведены в наборе данных в формате MS Excel.⁵

В середине 1990-х гг. в распоряжении экономических историков имелись ряды по неравенству доходов только за послевоенный советский период. В статье А. Бергсона были представлены децильные коэффициенты по заработным платам, сопоставимые за период 1946–1981 гг., децильные коэффициенты и индексы Джини по совокупным доходам за отдельные годы внутри периода 1960–1970-х гг.⁶ В монографии Э. Аткинсона и Дж. Миклрайта были представлены индексы Джини по заработным платам за период 1968–1989 гг., децильные коэффициенты по заработным платам за период 1956–1989 гг., сопоставимые децильные распределения и индексы Джини по совокупным доходам за период 1981–1989 гг.⁷ Их оценки основывались как на официальных данных ЦСУ СССР, опубликованных в конце 1980-х гг. в сборниках «Народное хозяйство СССР» (с 1968 г. по заработным платам и с начала 1980-х гг. по совокупным доходам), так и на расчетах в советской исследовательской литературе, основанных на неопубликованных данных того же ЦСУ и ЦУНХУ Госплана СССР.

⁴ См.: Там же. С. 96–98.

⁵ Диденко Д. Ряды данных о вековых тенденциях неравенства доходов в России. URL: https://www.researchgate.net/publication/357936039_Time_series_on_secular_trends_of_income_inequality_in_Russia_in_Russian_Rady_dannyh_o_vekovyh_tendenciah_neravenstva_dohodov_v_Rossii (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ См.: Bergson A. Income Inequality under Soviet Socialism // Journal of Economic Literature. 1984. Vol. 22, № 3. P. 1052–1099.

⁷ См.: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

За прошедшие 25 лет тематические исследования и создание информационных ресурсов заметно продвинулись. Самыми ранними по времени стали работы авторов, аффилированных с Всемирным банком.

В межстрановом наборе данных К. Дайнингера и Л. Сквайра,⁸ в котором отражен преимущественно период после Второй мировой войны (по Японии с 1890 г.), Россия не была представлена, а по бывшему СССР сведения приводились лишь с 1980 по 1995 гг.⁹

В наборе Ф. Бургиньона и К. Моррисона¹⁰ распределение доходов по децильным группам, выполненное за отдельные годы, экстраполировалось на длительные хронологические периоды. Это давало лишь очень приближенное представление о долгосрочных тенденциях неравенства в России/СССР. В отношении советского периода Ф. Бургиньон и К. Моррисон использовали сделанные ранее оценки последнего автора,¹¹ которые, в отличие от других работ по данной тематике, учитывали эффект неравного доступа к благам со стороны привилегированных групп населения (см. ниже).

Одновременно Всемирный банк провел серию крупных обследований, которые позволили сформировать альтернативные оценки неравенства доходов в постсоветской России (с 1988 г.). Единый ряд сопоставимых оценок в его базе данных покрывает период с 1993 по 2018 гг.¹² Эта работа во многом велась под научным руководством Б. Милановича, создавшего тематический информационный ресурс с объединением внутристрановых исторических данных из наиболее признанных их наборов, в котором Россия представлена за период 1988–2009 гг.¹³

Отмеченные выше слабые стороны были во многом нивелированы в длинных рядах по

⁸ См.: Deininger K., Squire L. A New Data Set Measuring Income Inequality // The World Bank Economic Review. Vol. 10, № 3. P. 565–591. URL: <https://microdata.worldbank.org/index.php/catalog/1790> (дата обращения: 15.09.2021).

⁹ Преимущественно из: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

¹⁰ См.: Bourguignon F., Morisson C. Inequality among world citizens: 1820–1992 // American Economic Review. 2002. Vol. 92, № 4. P. 727–744. URL: <https://web.archive.org/web/20120217010359/http://www.delta.ens.fr/XIX/> (дата обращения: 15.09.2021).

¹¹ См.: Morisson C. Income distribution in East European and Western countries // Journal of Comparative Economics. 1984. Vol. 8, iss. 2. P. 121–138.

¹² См.: World Bank. 2021. Russian Federation. URL: <https://api.worldbank.org/v2/en/country/RUS?downloadformat=excel> (дата обращения: 15.09.2021).

¹³ См.: All the Ginis Dataset. Jun 4, 2019 // World Bank Group. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0041738> (дата обращения: 15.09.2021).

России, созданных за последние 10 лет. Тем не менее точечные значения за отдаленные периоды, как правило, не были получены методами прямого наблюдения.

В Базе данных о всемирном неравенстве доходов (WIID),¹⁴ созданной в 2000 г. и представляющей собой собрание имеющихся в научной литературе расчетов и оценок (но с экспертной оценкой их достоверности), сведения по СССР были доведены вплоть до 1968 г. по зарплатам¹⁵ и до 1980 г. по совокупным доходам.¹⁶ В новой версии этой базы была предпринята попытка сконструировать для отдельных стран длинные ряды сопоставимых показателей: индекс Джини (наиболее часто используемый), индекс энтропии Тейла (в конце 1980-х гг. продемонстрировал слабую предсказательную способность для России, показав дивергенцию с индексом Джини),¹⁷ индекс Аткинсона (учитывает толерантность общества к неравенству); децильный коэффициент (учитывает только 2 среза распределения, близких к минимуму и максимуму); коэффициент фондов (из которого выпадает 80 % распределения, остаются только нижний и верхний, самые проблематичные для достоверного учета); коэффициент вариации (применяется в качестве первого приближения).¹⁸ Однако России за каждый год периода 1950–1987 гг. были присвоены значения за 1988 г. (29,97 по индексу Джини).¹⁹

В наборе данных, сконструированном коллективом под руководством Дж. К. Гэлбрейт-младшего (Университет Техаса), ряды неравенства доходов в России покрывают период

1963–2015 гг.²⁰ За 1980-е гг. они основаны на заимствованиях из литературы,²¹ за период 1963–1980 гг. получены ретрополяцией.

Работа команды Пикетти — первая в литературе по теме, сфокусированная на России за вековой период, но в контексте международных сопоставлений.²² В приложенном наборе данных сконструированы длинные ряды основных показателей неравенства индивидуальных доходов за период с 1905 по 2015 гг., а также за 1995–2015 гг. — неравенства частного богатства, которое выступает результатом накопленного неравенства в доходах и является частью национального богатства. Для этого были введены в научный оборот сводные данные ФНС России по налоговым декларациям за период 2008–2015 гг. Однако примененная командой Пикетти методология вызывает у нас сомнения и критические замечания.

Так, в составе национального богатства не учитывается человеческий капитал. Действительно, принятая ООН Система национальных счетов не включает его в состав национального богатства, но прямо допускает возможность отражения человеческого капитала с переклассификацией счетов использования ВВП (на которых отражаются, в частности, расходы на образование, науку и здравоохранение) с потребления на накопление.²³ С применением соответствующих подходов попытки оценить динамику стоимости накопленного объема человеческого капитала предпринимались Б. ван Леувенем на материале Японии, Индии, Индонезии 1890–2000 гг.,²⁴ А. Коккинем — по данным Финляндии 1870–2000 гг.²⁵ Таким образом, интеграция концепта «человеческий капитал» в СНС и его включение в состав национального богатства апробируются в историко-экономической литературе.

¹⁴ См.: UNU-WIDER. World Income Inequality Database (WIID). Version 31 May 2021. URL: <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁵ Заимствованы из: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

¹⁶ Заимствованы из: Alexeev M. V., Gaddy C. G. Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s // Review of Income and Wealth. 1993. Vol. 39, iss. 1. P. 23–36.

¹⁷ Следует из данных: The University of Texas Inequality Project Global Inequality Data Sets 1963–2008: Updates, Revisions and Quality Checks / Galbraith J. K. [et al.] // Inequality and Growth: Patterns and Policy. New York, 2016. Vol. 2: Regions and Regularities. P. 98–130; URL: http://www.utip.lbj.utexas.edu/data/UtIpUnidoEhiiV2017_v.1.xlsx (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁸ Показатели и методы измерения неравенства доходов освещены в специализированной литературе (см., напр.: Салмина А. А. Сравнительный анализ показателей неравенства — их особенности и применение // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 35–58). Различия в видах доходов, в отношении которых рассчитываются показатели, см.: Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.

¹⁹ United Nations University UNU-WIDER. URL: https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WIID/wiidglobal_o.xlsx (дата обращения: 15.09.2021).

²⁰ См.: The University of Texas... P. 25.

²¹ См.: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

²² По другим странам широко представлены на сайте Базы данных о неравенстве в мире: World Inequality Database. URL: <http://wid.world> (дата обращения: 15.09.2021).

²³ См.: СНС-2008. Система национальных счетов 2008. Нью-Йорк, 2012. С. 9, 10, 609–611, 703, 704. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

²⁴ См.: van Leeuwen B. Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia, and Japan: A quantitative analysis, 1890–2000. Utrecht, 2007. P. 294–296. URL: <http://www.basvanleeuwen.net/bestanden/proefschrift/proefschriftbvl.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

²⁵ См.: Kokkinen A. On Finland's Economic Growth and Convergence with Sweden and the EU15 in the 20th Century. Helsinki, 2012. P. 134–140. URL: <https://www.stat.fi/tup/julkaisut/tiedostot/978-952-244-334-2.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

Основной недостаток сконструированного командой Пикетти векового ряда неравенства доходов заключается в его методологической неоднородности: значительные повышающие корректировки применяются для исходных данных дореволюционного и постсоветского периодов, но практически отсутствуют для советского.

Использованные командой Пикетти в качестве основного источника данные Министерства финансов Российской империи о доходах состоятельной части населения оцениваются Г. И. Ханиным (вслед за А. Л. Вайнштейном и П. Грегори) как занижавшие размеры крупных доходов.²⁶ С учетом того что общий показатель неравенства доходов всего населения за 1905 г. (55,0 % по индексу Джини) у команды Пикетти получился примерно соответствующим уровню постсоветской России в 2009–2010 гг., ею применялись сильные повышающие корректировки данных источника.

При том что в 1913 г. уровень доплаты за образование в российской промышленности был достаточно высоким (см. ниже), неравенство доходов в сельскохозяйственном секторе (где было занято около 75 % рабочей силы)²⁷ в условиях преобладания общинных институтов, скорее всего, было слабым.²⁸

В этой связи более достоверными за дореволюционный период представляются оценки коллектива Я. Л. ван Зандена. В частности, значение за 1910 г. (40,5 % по индексу Джини)²⁹ поддерживается результатами исследования П. Линдберга и С. Нафцигера (36,2 % по индексу Джини в Европейской России),³⁰ основанного на общестрановых источниках о доходах домохозяйств, в котором дореволюционный уровень неравенства доходов позиционирован между советским и постсоветским, но ближе к последнему.

В то же время в отношении 1928–1929 гг. оценка команды Пикетти (29,6 % по индексу Джини) представляется ближе к реальности,

чем Я. Л. ван Зандена и соавторов (43,5 %). Последняя превышает значение за 1910 г., что противоречит другим свидетельствам как на макро- (см. ниже), так и на микроуровне.³¹

В качестве основного источника по советскому периоду командой Пикетти использовались обследования семейных бюджетов рабочих, служащих и колхозников. Ранее в литературе давались заключения об их низкой информационной ценности. Они аргументировались тем, что соответствующие выборки не обладают репрезентативностью, смещены в сторону групп с повышенными доходами; применение отраслевого принципа вместо территориального усиливает искажения; качество сбора и обработки первичных данных низкое; методы группировки обработанных данных нерелевантны для последующих расчетов.³² В силу политической чувствительности вопроса о степени неоднородности советского общества вызывает доверие сделанный в литературе³³ вывод, что данные этих источников склонны занижать фактический уровень неравенства. При этом, по нашему мнению, они могут более или менее достоверно характеризовать преобладавшие тенденции его изменения за период 10–20 лет, но обладают меньшей точностью и информативностью, чем официальные данные о распределении зарплат.

Значения показателей неравенства в советский период подлежат корректировке в сторону повышения³⁴ и по другим причинам. Они заключаются в необходимости учета неравного доступа к благам (элита могла приобретать потребительские товары и услуги по ценам зачастую в разы ниже их рыночной стоимости), а также скрытых доходов. Вероятнее всего, в период позднего СССР при наблюдаемом снижении неравенства по зарплатам имело место увеличение доли доходов элиты. На это указывают приводимые в литературе свидетельства о расширении теневой экономики³⁵

²⁶ См.: Ханин Г. И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1, № 2 (4). С. 64–72.

²⁷ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX вв.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 21.

²⁸ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2018. Т. 1. С. 405.

²⁹ См.: The Changing Shape of Global Inequality 1820–2000; Exploring a New Dataset / van Zanden J. L. [et al.] // Review of Income and Wealth. 2014. Vol. 60, iss. 2. Data Appendix.

³⁰ См.: Lindert P. H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The Journal of Economic History. 2014. Vol. 74, № 3. P. 787, 790, 791.

³¹ См.: Бородин Л. И. Динамика уровня жизни городского населения в годы нэпа: новые оценки // Российские экономические реформы в региональном измерении. Новосибирск, 2021. С. 343, 344.

³² См.: Shenfield S. A Note on Data Quality in the Soviet Family Budget Survey // Soviet Studies. 1983. Vol. 35, № 4. P. 561–568.

³³ См.: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit. P. 118, 119, 131.

³⁴ Даже при том, что у команды Пикетти индекс Джини по совокупным доходам в СССР справедливо получается несколько выше, чем в исследованиях: Alexeev M. V., Gaddy C. G. Op. cit. P. 29; Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit. Statistical appendix. Table UE1, UI1.

³⁵ См.: Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 210–212; Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 343–355, 392, 489–491; Alexeev M. V., Gaddy C. G. Op. cit. P. 32, 33.

и о повышении децильного коэффициента по зарплатам с конца 1960-х гг.³⁶

Команда Пикетти признала наличие данной методической проблемы,³⁷ но не искала способов ее решения, в то время как ранее они предлагались в литературе. Так, К. Моррисон оценивал эффекты немонетарных привилегий элиты в 1973 г. в 3,9 процентных пункта (п. п.) по индексу Джини (27,0 % по данным источников и 30,9 % с корректировкой).³⁸

В отношении постсоветского периода команда Пикетти придерживается наиболее высоких оценок уровня экономического неравенства, во многом в силу склонности к завышающим корректировкам исходных данных.³⁹ В научной литературе неоднократно высказывались критические суждения в отношении занижения совокупного внутривнутристранового неравенства доходов в официальных данных Росстата и в результатах социологических опросов (в первую очередь РМЭЗ НИУ ВШЭ).⁴⁰ В качестве контраргумента отметим, что репрезентативные обследования призваны фиксировать процессы, происходящие именно в массовом сегменте, где трудовые доходы являются преобладающими. Кроме того, данные Росстата по заработным платам оцениваются как наиболее представительные по выборке и достаточно точные (ВНДН — более, ОЗПП — менее).⁴¹

Общим недостатком указанных длинных рядов является неполнота ссылок на выходные данные используемых источников. Корректировка их исходных данных следует из необходимости критического подхода к любым свидетельствам источников. Однако отсутствие соответствующей информации в электронных наборах не позволяет последующим исследователям детально проверить корректность применения заявленных методических процедур для получения результатов расчетов и затрудняет путь к альтернативным оценкам.

Набор данных Д. В. Диденко и соавторов, посвященный различным аспектам истории

человеческого капитала в СССР/России,⁴² придерживается следующей структуры: исходные данные источников; рассчитанные на их основе результаты без применения каких-либо допущений; модельные расчеты, выполненные с теми или иными допущениями. Такая структура позволяет использовать иные предположения и получить альтернативные оценки на основе свидетельств тех же источников.

Наш подход к исследованию динамики дифференциации зарплат в СССР и России основан на теории человеческого капитала, отдающей предпочтение анализу структуры трудовых доходов в разрезе доплат за квалификацию работников. Со стороны источниковой базы уровень зарплат занятых в промышленности рабочих и служащих (в том числе инженерно-технических работников — ИТР)⁴³ получил сравнительно достоверное отражение в опубликованных данных отечественной статистики за период с 1913 г. по настоящее время. Их соотношение (относительная разница, далее — дифференциал) рассматривается нами как косвенный индикатор частной эффективности человеческого капитала. На рис. 1 приводится различие дифференциалов: простого и в пересчете на 1 год разницы в институционализированном образовании. Возвращение второго дифференциала к уровню начала XX в. под воздействием рыночных сигналов сопровождалось более слабой реакцией первого в силу значительного сокращения разницы в образовательном уровне.

Первые исходные данные о зарплатах за 1913–1918 гг. были собраны в ходе переписи 1918 г.⁴⁴ Впоследствии они регулярно публиковались в официальных статистических

⁴² Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. Supplementary Data.

⁴³ Это достаточно укрупненные категории; причем категория «ИТР» включала не только технических специалистов, но и технический обслуживающий персонал, не только с высшим и средним образованием, но и специалистов-практиков без специального образования; узкая категория «служащие» включала как руководителей, так и делопроизводственный, учетный, снабженческий и прочий персонал средней квалификации, обслуживающий хозяйственные и управленческие процессы. По численности ИТР составляли 33 % широкой категории «служащие» в 1928 г., 62 % в 1950 г., 82 % в 1986 г. (по данным официальных статистических изданий «Труд в СССР» 1980-х гг.).

⁴⁴ См.: Труды ЦСУ СССР. М., 1924. Т. 18. С. 189–191. В выборку вошли предприятия, которые работали в течение всего периода 1913–1918 гг. и располагались на территории, контролируемой большевистским правительством к концу лета 1918 г. Корректирующие коэффициенты на основе расчетов независимых экономистов и квази-официальных данных 1924 г. (Диденко Д. В. Интеллектуальная экономика... С. 210) привели к некоторому сужению дифференциала за 1913–1916 гг.

³⁶ См.: Римащевская Н. М., Римащевский А. А. Равенство или справедливость? М., 1991. С. 54–57.

³⁷ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit. P. 214.

³⁸ Morrisson C. Op. cit. P. 133.

³⁹ Критику см.: Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 67–106.

⁴⁰ См.: Крупнейшее национальное обследование домохозяйств по репрезентативной выборке, проводимое практически ежегодно с 1994 г. URL: <http://www.hse.ru/flms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁴¹ См.: Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 44–47.

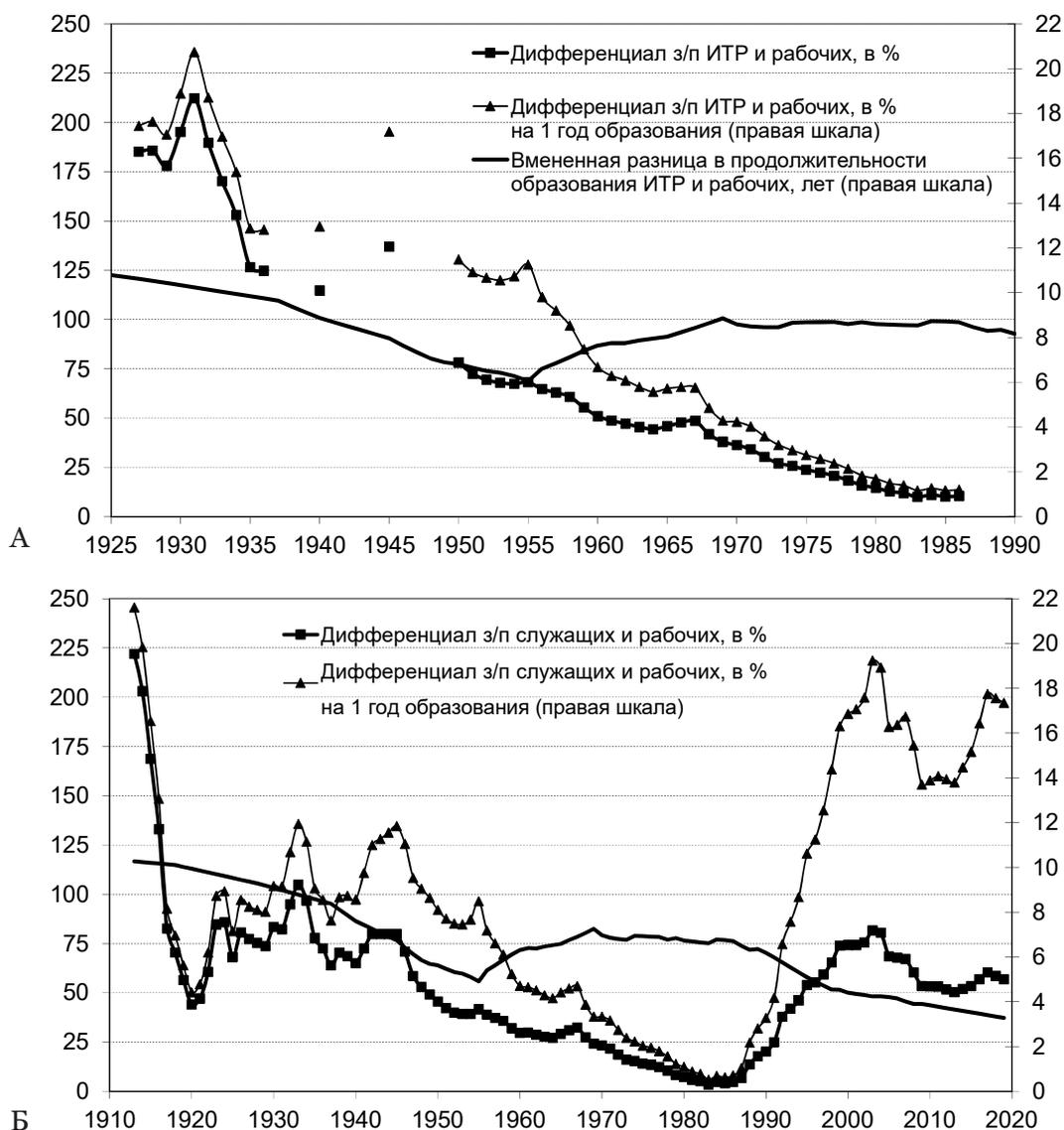

Рис. 1. Дифференциал оплаты труда в промышленности России/СССР

А. Дифференциал зарплаты ИТР и рабочих. Б. Дифференциал зарплаты служащих (ИТР и других) и рабочих. Рассчитано по: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 15.09.2021); Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. Supplementary Data.

сборниках до 2004 г.⁴⁵ С 2005 г. Росстат собирает данные о численности и заработной плате работников по категориям персонала (руководители, специалисты, другие служащие, рабочие) в рамках единовременного обследования, проводимого в октябре с двухлетней периодичностью.

Поскольку советские статистические сборники публиковали довольно скудные методологические комментарии, мы не можем установить в деталях, насколько менялось со временем содержание категорий «рабочие», «служащие» и ИТР. Кроме того, выборки ЦСУ, Госкомстата и Росстата охватывали только

крупные и (в послевоенный период) средние предприятия, хотя подходы к их определению со временем менялись. На преемственность методологии позднесоветского периода и постсоветского (до 2004 г.) указывал Госкомстат РФ, смыкая данные с 1980 г. в единые ряды.⁴⁶ Но категория «ИТР» в них уже не встречается. Также в методологических комментариях Росстата не до конца прояснено, насколько категории «служащие» в СССР и РФ до 2004 г. соответствует объединение категорий «руководители», «специалисты», «другие служащие» с 2005 г.⁴⁷ Смещение отраслевой

⁴⁵ См.: Там же. С. 209–212; Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. P. 127.

⁴⁶ См.: Труд и занятость в России. М., 2001. С. 359. Последний источник с такими рядами до 2004 г. включительно: Труд и занятость в России. М., 2006. С. 461.

⁴⁷ См.: Труд и занятость в России. М., 2007. С. 404.

выборки предприятий обусловило переход статистики РФ с ОКОНХ на ОКВЭД.⁴⁸ Результирующее сокращение простого дифференциала с 80,5 % в 2004 г. до 68,5 % в 2005 г. при снижении индекса Джини с 46,7 % до 45,6 % в значительной степени может быть связано с эффектами изменения выборки и содержания категорий. Впрочем, дальнейшее падение данного дифференциала до 50,4 % и индекса Джини до 41,0 % свидетельствует в пользу того, что разницы, вытекающие из возможных различий в методологии, являются слабыми на фоне сильных изменений значений самого показателя. То же относится к изучаемому периоду в целом.

При сопоставлении результатов, полученных нами и авторами обсуждаемых работ, в первую очередь важно, что периоды восходящих и нисходящих тенденций, как правило, соответствуют друг другу, а моменты поворотных точек близки по времени (рис. 2). Такая консенсусность является аргументом в пользу их относительной достоверности.

В отношении долгосрочных тенденций дифференциации оплаты труда собранные нами исторические свидетельства показывают, что советский период характеризуется относительно низкими доплатами за квалификацию, хотя в период ускоренной индустриализации (1930-е гг.) отмечалось их коррекционное повышение в соответствии с политической линией высшего советского руководства (см. рис. 2). Динамика относительного дифференциала зарплат рабочих и служащих в промышленности показывает, что в периоды преобладания рыночных отношений в экономике (в 1913 г. и в 1990–2000-е гг.) он находился в диапазоне 10–20 % за 1 год образования. Это выше по сравнению с периодом централизованного управления экономикой (0,5–12 %), в том числе во время ускоренной индустриализации (7,5–12 %).

Следует отметить, что данный дифференциал сильно различался по отраслям, что подтверждается свидетельствами на макро- и микроуровнях.⁴⁹

⁴⁸ В отличие от ОКОНХ (Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства), ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности) не выделяет промышленность.

⁴⁹ См.: Труд в СССР. М., 1988. С. 189–195; Borodkin L. *Wages and Wage Policy in the USSR (1950s–1980s): Macro- and Micro-analysis* // The XVIII World Economic History Congress. Boston; Cambridge (MA), July 26–August 3, 2018. URL: <http://wehc2018.org/wages-and-wages-of-globalisation-since-19301950-convergence-inequalities-strategies/> (дата обращения: 15.09.2021).

Наш ряд индекса Джини по зарплатам за 1968–1991 гг., в основе которого лежат указанные оценки в литературе, имеет наиболее высокие значения среди имеющихся вследствие корректировки на эффекты немонетарных привилегий элиты в 3,9 п. п. по индексу Джини.⁵⁰ Для 1992–2009 гг. предпочтение отдается оценкам исследователей ЮНИСЕФ,⁵¹ до 2005 г. несколько превышавшим значения Росстата. Для 2010–2019 гг. используются данные Росстата (с интерполяциями), в отличие от 1990-х и начала 2000-х гг. значительно превышавшие расчетные значения на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ.⁵²

Представленные на рис. 2 ряды показывают тенденцию к сокращению неравенства доходов с начала 2000-х гг. Эту тенденцию не переломило коррекционное повышение дифференциала оплаты труда: последний максимальный уровень в 2017 г. не превысил пик 2003 г. Причем едва ли не впервые в научной литературе командой Пикетти установлено, что та же тенденция к сокращению неравенства наблюдается в сфере накопленного частного богатства с кризисного 2008 г.⁵³ При этом отмечается некоторая дивергенция большинства рядов с нашим рядом дифференциала оплаты труда, который показывает, что в 2009–2019 гг. служащие несколько улучшили свое положение относительно рабочих.

Таким образом, рассмотренные работы можно оценить как крупные этапы в реконструкции исторических данных об экономическом неравенстве в России, охватывающие период более 100 лет. Не лишены источниковедческих и методологических недостатков, они задают исследователям отправную точку для дальнейшей поисковой работы и ревизии сделанных оценок. Перспективным направлением также представляется движение наборов данных в сторону большего отражения исходных данных источников и научно-справочного аппарата.

Приводимые свидетельства показывают циклический характер вековой динамики экономического неравенства. Этот характер становится еще более выраженным, если данную проблематику рассматривать с позиций теории человеческого капитала. Лежащая в основе дифференциации заработных плат частная отдача от человеческого капитала склонна иметь повышенные значения в рыночной экономике

⁵⁰ Morrisson C. *Op. cit.* P. 133.

⁵¹ См.: TransMONEE Database.

⁵² См.: Капелюк С. Д. Указ. соч. С. 21.

⁵³ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *Op. cit.* P. 217.

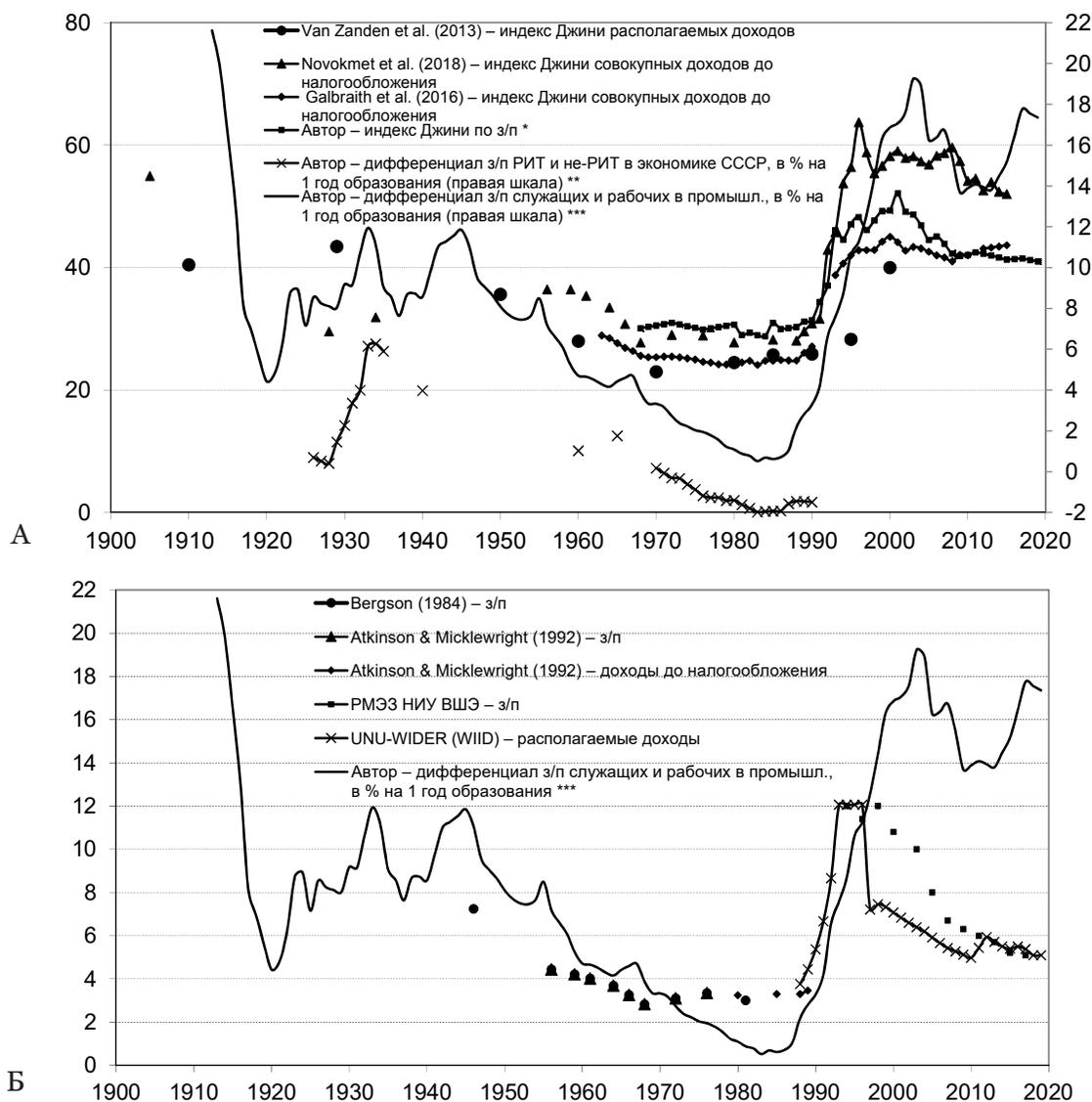

Рис. 2. Сравнение оценок динамики неравенства доходов в России/СССР по различным индикаторам.

А. Оценки по индексу Джини и дифференциалу оплаты труда. Б. Оценки по децильному коэффициенту (P_{90}/P_{10})⁵⁴

Примечания: 1. РИТ — работники отраслей интеллектуального производства, а также инженерно-технический персонал и служащие в промышленности, не-РИТ — работники других отраслей экономики и рабочие в промышленности;

2. РМЭЗ НИУ ВШЭ — рассчитано по: Капелюк С. Д. Неравенство в заработной плате: значителен ли вклад дискриминации? // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2019. № 1 (27). С. 21.

Рассчитано автором по: * Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 174–176; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 15.09.2021); TransMONEE Database. 2011. URL: http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls (дата обращения: 15.09.2021); Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit. Statistical appendix. Table UE1;

** Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 297, 298; Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/1929 г. М., 1929. С. 452–455;

*** Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 15.09.2021); Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. Supplementary Data.

по сравнению с централизованно управляемой. Неравенство имеет тенденцию возрастать в периоды системных трансформаций (1930-е, 1990-е гг.), когда усиливаются дисбалансы спроса и предложения квалификаций и навыков, а также не до конца сформированы институты, сдерживающие уровень неравенства. С переходом социально-экономических систем к эволюционному развитию неравенство доходов имеет тенденцию ослабевать.

В этих условиях у государства имеется больше институционального потенциала не только для постановки задач борьбы с бедностью и снижения социального напряжения, но и для эффективного проведения соответствующих регулятивных мер, прежде всего в сфере перераспределения доходов.

⁵⁴ Соотношение минимальной оплаты 10 % наиболее обеспеченных работников к максимальной оплате 10 % наименее обеспеченных.

Dmitry V. Didenko

Doctor of Economical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

**SECULAR TRENDS OF INCOME INEQUALITY IN RUSSIA:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STATISTICAL DYNAMICS**

The article classifies and appraises the long time series on income inequality in Russia/USSR developed over the past 25 years. It discusses various issues of the source studies and methodological problems that arise in the process of constructing such series and their interpretation. Trends in dynamics of income inequality identified in the works under review, are compared with other findings from topical research literature. In particular, the author argues as overestimations the values of indicators of income and wealth inequality in pre-revolutionary and post-Soviet Russia proposed in the study by T. Piketty and his disciples F. Novokmet and G. Zucman. Their values of income inequality during the Soviet period are questioned as underestimated. At the same time, our evidence supports their findings as regards comparability of inequality level in recent times and at the beginning of the 20th century, that is adequate for institutional environment of a market economy at the stage of early industrial modernization. The paper argues extensions of the long time series by recent values and revision of selected estimates from the works by D. Didenko and his coauthors. In one case, what is at issue is the series of “white- vs blue-collar workers in industry” wage differential per 1 year of education in organized forms. The indicator is considered as a proxy for income inequality based on human capital theory and supported by relatively reliable statistical evidence for the period from 1913 to 2019. In another case, the author proposes wage inequality series for the period 1968–2019 by linking the corrected estimates from research literature on the late USSR and the data from Rosstat. The former group is revised upwards thus capturing the effects of non-monetary privileged benefits of the elite. Some promising lines in future developments of long time series on the topic are indicated.

Keywords: long historical data series, Russia’s economic history, human capital, institutions, Gini index, wage differential

REFERENCES

- Alexeev M. V., Gaddy C. G. Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s. *Review of Income and Wealth*, 1993, vol. 39, iss. 1, pp. 23–36. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1993.tb00435.x (in English).
- Atkinson A. B., Micklewright J. *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. (in English).
- Bergson A. Income Inequality under Soviet Socialism. *Journal of Economic Literature*, 1984, vol. 22, no. 3, pp. 1052–1099. (in English).
- Bokarev Yu. P. *SSSR i stanovlenie postindustrialnogo obshchestva na Zapade. 1970–1980-e gody* [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West, 1970–1980s]. Moscow: Nauka Publ., 2007. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [Dynamics of urban population living standards in the years of the NEP: new estimates]. *Rossiyskiye ekonomicheskiye reformy v regional’nom izmerenii* [The Regional Dimension of the Russian Economic Reforms]. Novosibirsk: Parallel’ Publ., 2021, pp. 337–347. (in Russ.).
- Borodkin L. Wages and Wage Policy in the USSR (1950s–1980s): Macro- and Microanalysis. *The XVIII World Economic History Congress*. Boston; Cambridge (MA), July 26–August 3, 2018. Available at: <http://wehc2018.org/wages-and-waves-of-globalisation-since-19301950-convergence-inequalities-strategies/> (accessed: 15.09.2021). (in English).
- Bourguignon F., Morrisson C. Inequality among world citizens: 1820–1992. *American Economic Review*, 2002, vol. 92, no. 4, pp. 727–744. (in English).
- Deininger K., Squire L. A New Data Set Measuring Income Inequality. *The World Bank Economic Review*, 1996, vol. 10, no. 3, pp. 565–591. (in English).
- Didenko D. V. *Intellektualoyemkaya ekonomika: chelovecheskiy kapital v rossiyskom i mirovom sotsial’no-ekonomicheskoy razvitiy* [Knowledge-intensive economy: human capital in Russian and global socio-economic development]. Saint Petersburg: Aletheyya Publ., 2015. (in Russ.).
- Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset. *Journal of Eurasian Studies*, 2013, vol. 4, iss. 2, pp. 123–

135. DOI: 10.1016/j.euras.2013.03.002. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>. (in English).
- Galbraith J. K., Halbach B., Malinowska A., Shams A., Zhang W. The University of Texas Inequality Project Global Inequality Data Sets 1963–2008: Updates, Revisions and Quality Checks. *Inequality and Growth: Patterns and Policy*. New York: Palgrave Macmillan, 2016, vol. 2, pp. 98–130. Database: http://www.utip.lbj.utexas.edu/data/UtipUnidoEhiiV2017_v.1.xlsx (accessed: 15.09.2021) (in English).
- Gregory P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX vv.): Novyye podschety i otsenki* [Economic growth of Russian Empire (end of 19th — beginning of 20th centuries): New estimates and calculations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. (in Russ.).
- Kapeliushnikov R. I. [Is economic inequality a universal evil?]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2019, no. 4, pp. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-91-106. (in Russ.).
- Kapeliushnikov R. I. [Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2020, no. 4, pp. 67–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-67-106 (in Russ.).
- Kapeliushnikov R. I. [Returns to education in Russia: nowhere below?]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2021, no. 8, pp. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68. (in Russ.).
- Kapelyuk S. D. [Wage inequality: how large is the contribution of the discrimination?]. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii* [Bulletin of the Siberian University of consumer cooperation], 2019, no. 1 (27), pp. 12–31. (in Russ.).
- Khanin G. I. [What was social differentiation in pre-revolutionary Russia?]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2010, vol. 1, no. 2 (4), pp. 64–72. (in Russ.).
- Khanin G. I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveysheye vremya* [Economic history of Russia in modern times]. Novosibirsk: NGTU Publ., 2008, vol. 1. (in Russ.).
- Kokkinen A. *On Finland's Economic Growth and Convergence with Sweden and the EU15 in the 20th century*. Helsinki: Statistics Finland, 2012. (in English).
- Lindert P. H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution. *The Journal of Economic History*, 2014, vol. 74, no. 3, pp. 767–798. DOI: 10.1017/S002205071400059X (in English).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018, vol. 1. (in Russ.).
- Morrisson C. Income distribution in East European and Western countries. *Journal of Comparative Economics*, 1984, vol. 8, iss. 2, pp. 121–138. DOI: 10.1016/0147-5967(84)90002-7 (in English).
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*, 2018, vol. 16, iss. 2, pp. 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0. (in English).
- Piketty T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2015. (in Russ.).
- Rimashevskaya N. M., Rimashevskiy A. A. *Ravenstvo ili spravedlivost'?* [Equality or Equity?]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1991. (in Russ.).
- Salmina A. A. [Comparative analysis of inequality indicators: characteristics and applications]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2019, no. 7, pp. 35–58. DOI: 10.31857/So20736760005832-4 (in Russ.).
- Shenfield S. A Note on Data Quality in the Soviet Family Budget Survey. *Soviet Studies*, 1983, vol. 35, no. 4, pp. 561–568. (in English).
- van Leeuwen B. *Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia, and Japan: A quantitative analysis, 1890–2000*. PhD Thesis. Utrecht University: Box Press Publishers, 2007. Available at: <http://www.basvanleeuwen.net/bestanden/proefschrift/proefschriftbvl.pdf> (accessed: 15.09.2021). (in English).
- van Zanden J. L., Baten J., Földvari P., van Leeuwen B. The Changing Shape of Global Inequality 1820–2000; Exploring a New Dataset. *Review of Income and Wealth*, 2014, vol. 60, iss. 2, pp. 279–297. DOI: 10.1111/roiw.12014. (in English).

Для цитирования: Диденко Д. В. Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15.

For citation: Didenko D. V. Secular trends of income inequality in Russia: a comparative analysis of the statistical dynamics // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15.